

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

Л. И. Сазонова

ЛИТЕРАТУРНАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ

Раннее Новое время

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2006

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 05-04-16184

Сазонова Л. И.

С 12 Литературная культура России. Раннее Новое время / Рос. Акад. наук; Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 896 с.: ил. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X

ISBN 5-9551-0156-X

Книга посвящена изучению историко-литературных и историко-культурных явлений и процессов, определивших новый тип литературной культуры России во второй половине XVII — начале XVIII в. Его формирование обусловлено взаимодействием художественного опыта восточнославянских народов, опиравшегося на общеевропейские теоретические и литературные практики эпохи барокко. Анализируется общекультурный контекст: идейные споры представителей различных культурных ориентаций вокруг проблемы выбора пути для будущего развития России. Прослеживается определяющая роль риторического учения в становлении новой словесной культуры и новых жанров, в их соотносительности с эмблематикой, в тенденции к взаимодействию слова с другими видами искусства. Особое внимание уделено придворно-церемониальной и просветительно-дидактической литературе, репрезентирующей новые принципы поэтики, символы и ключевые мотивы. Обозначены линии преемственного литературного развития в границах русского барокко и классицизма.

В монографии вводится в научный оборот большое количество разнообразных историко-литературных материалов. Исследование сопровождается публикацией рукописных и старопечатных произведений.

Книга предназначена для филологов, историков культуры, а также для всех интересующихся вопросами литературы и культуры России.

ББК 83.3

В оформлении переплета использовано изображение, помещенное на титульном листе книги стихов Симеона Полоцкого «Вертоград многоцветный» (БАН, Библиотека Петра I. Рукописные книги № 54. 1680 г.)

© Л. И. Сазонова, 2006
© Языки славянских культур, 2006

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Содержание

Предисловие	9
Введение	
Предварительные рассуждения о понятиях «переходный период», «раннее Новое время» и о проблеме русского литературного барокко.....	14
Глава I. Общекультурный контекст литературы раннего Нового времени.....	34
На славянском историко-культурном пограничье	36
Историко-культурные предпосылки появления барокко в России.....	42
Придворные поэты.....	49
Культура перед выбором пути	85
Глава II. Под сенью риторики.....	113
«Поэт — переводчик слов и помыслов Бога».....	118
Поэзия и науки тривиума.....	129
Античность как культурная условность.....	138
Риторика как «грамматика» церемониала и формирование новых жанров	145
Поэтика барочного слова	166
Поэтический текст как риторический образец. «Текучесть» текста, заимствования и цитоны.....	180
Поэтические вольности как прием редакторской правки ...	194
Nomen est omen: имя в риторике и поэзии.....	203
Глава III. «Поэзия изумления» и взаимодействие искусств	228
Символические графемы	233
«Скрижаль многопутная» и формы <i>carmina curiosa</i>	242

Эмблематическая поэзия.....	262
«Емлимата и их толкования стихами красногласными» Симеона Полоцкого.....	270
«Книга Любви знак в честен брак» Кариона Истомина.....	284
Геральдическая поэзия.....	311
Зримое слово.....	314
Стихотворная надпись.....	320
Стихи для музыкального исполнения.....	331
Поэзия как компонент храмового синтеза искусств.....	335
Драматизация поэтического текста.....	340
К понятию элогиарного стиля.....	345
 Глава IV. Придворно-церемониальная литература.....	363
Рукопись в придворной культуре.....	367
Государственные идеалы и панегирическая топика.....	375
Восточнославянская Алексиада.....	425
Иверские декламации Симеона Полоцкого (1660).....	462
Панегиристы о гетмане Иване Мазепе.....	483
 Глава V. Мир есть книга.....	519
Мотив сада в литературе барокко.....	524
Литературные сады.....	536
«Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого как христианский универсум: история создания, поэтика, жанр.....	558
Книжное восприятие Востока, идущее с Запада.....	607
Колесо жизни: барочный медиевизм Евфимия Чудовского.....	624
От басни барокко к басне классицизма.....	647
 Вместо заключения	
В общеславянском контексте.....	689
 Приложения.....	707
1. Симеон Полоцкий. Иверские декламации (1660).....	708
2. Симеон Полоцкий. Похвала царю Алексею Михайловичу в день его ангела (1660—1670-е гг.).....	727
3. Театральная программа «Алексей человек Божий» (1674).....	746

---

4. <i>Симеон Полоцкий</i> . Эпиграмматический цикл «Еленхос...» (1675)	754
5. <i>Герман (Воскресенский)</i> . Гимн «Радуйся, Благодатная!»	758
6. Стихотворная тетрадь Евфимия Чудовского.....	762
7. <i>Карион Истомин</i> . «Книга Любви знак в честен брак» (1689). Текст	784
8. Стихи на герб России (1703)	796
Библиография	804
Рукописные источники	804
Литература	815
Список иллюстраций	858
Принятые сокращения.....	861
Указатель имен.....	###
Summary.....	

Предисловие

Данная книга посвящена литературной культуре России раннего Нового времени, ставшего ее переломным этапом. К середине XVII в. к пределу своего развития приблизилась громадная по временным измерениям традиция литературы, и все более явно стали проступать признаки формирующейся новой культурной атмосферы. Этот сложный период в истории русской литературы все еще остается затененным.

Путь к книге пролегал через исследование самых разнообразных текстов эпохи — известных, малоизвестных и совсем неизвестных, сохранившихся в авторских рукописях и в списках, в старопечатных книгах, восточнославянских и западноевропейских. Среди них и широко-масштабные художественные создания, каким является, например, имеющий богатую творческую историю «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого и насчитывающий тысячи стихотворений, и документы, регулирующие придворно-церемониальную практику, по-своему принимавшие участие в процессе литературного жанрообразования, и произведения, потребовавшие дальнейшего поиска для установления их авторства, датировки, источников, и т. д. Конкретная работа (текстологическая, источниковедческая, комментаторская) над историко-литературным материалом, который сам по себе является мощным проводником исследовательской логики, привела к необходимости осмыслить тексты в соответствии с теми теоретическими и эстетическими принципами творчества, которые лежат в их основании, и определить их литературный контекст.

Методологический принцип, которому следовал автор, — изучение литературы и культуры в неразрывной связи с современными им теориями, нашедшими отражение в трудах по поэтике и риторике. Вместе с появлением в России в XVII в. кодифицированной риторики, высту-

пающей в виде учебника, появляется и новая концепция поэтического творчества, создаются новые жанры. Риторика становится теоретическим фундаментом культурных новаций раннего Нового времени и одновременно культурной практикой. На риторику ориентируются не только создатели текстов, но и церемониально устроенная придворная культура. Анализируемые произведения изучаются в связи с эмблематикой, во взаимодействии с другими видами искусства. Литературные тексты рассматриваются с точки зрения их идейно-тематического содержания, жанровых форм, поэтики, стиля, национальной специфики.

Литературный процесс в России XVII в. представляет собой картину чрезвычайно пеструю. Изменения в культурной жизни, связанные со сменой культурной ориентации с греко-византийской на общеевропейскую, имели своим следствием возникновение предпосылок для восприятия и развития в России первого универсального стиля, имевшего межнациональный характер, — барокко, появившегося здесь вместе с его носителями, выходцами из украинских и белорусских земель. Одно из самых интересных явлений в культуре изучаемого периода — поэзия барокко, явившаяся синтезом многих традиций.

Полезность термина барокко, как всякого именованная литературной эпохи, состоит не столько в его номенклатурности, сколько в его внутреннем содержании, пребывающем в движении, и предоставляемой возможности соотносить изучаемое явление (на основе преобладания тех или иных тяготений и импульсов) с однопорядковыми ему и соответственно поместить в определенное историко-культурное пространство. Поэтому литературная культура России раннего Нового времени рассматривается в современном ей контексте — восточнославянском, общеславянском и западноевропейском, с применением сравнительно-исторического и сопоставительно-типологического методов.

Главная цель книги состоит в том, чтобы исследовать и теоретически осмыслить малоизвестные или совсем не изученные историко-литературные и общекультурные процессы перемещения духовных и эстетических ценностей в сфере европейского и собственно русского самосознания, связанные с развитием духовной и культурной жизни общества в период раннего Нового времени.

Центральная фигура литературы раннего Нового времени — Симеон Полоцкий, выдающийся представитель русской культуры, просветитель, сделавший многое для привития русской литературе идей, форм, образов такого мощного и плодотворного направления в истории европейской культуры, как барокко. Его произведения дают самые репрезентативные примеры для всего корпуса исследуемых текстов.

Культурные новации, связанные с формированием нового стиля, проявились прежде всего в литературе придворной. На материале поэтических текстов уясняются государственные идеалы и панегирическая топка. Выделилась такая тема, как «Восточнославянская Алексиада», — имеется в виду широкий круг разного рода произведений (поэзия, проза, драматургия, иконопись), посвященных царю Алексею Михайловичу и использующих в качестве отправной точки популярное во все века на Руси Житие Алексея человека Божия.

Следствием начавшихся перемен стал также спор о выборе пути для развития русской культуры между представителями разных культурных направлений — грекофилами-ортодоксами, латинофилами и старообрядцами.

Исследование показывает: русскую литературу и культуру XVII в. в целом невозможно изучать и описывать в отрыве от общеевропейских литературных процессов; она имела немало черт, сближающих ее с другими современными ей европейскими литературами. И второе: изучение культуры раннего Нового времени в ретроспективе и, в особенности, в перспективе развития показывает отсутствие разрыва в движении литературного процесса на пути от Средневековья к Новому времени. Россия вступила в раннее Новое время, имея еще ярко выраженный средневековый облик и располагая средневековой системой жанров, а вышла из него, обладая достаточно обширным жанровым репертуаром литературы новоевропейского типа и новыми формами культурной жизни. Книжная поэзия и драматургия принадлежали уже литературе раннего Нового времени, стоящей у самых истоков новой русской литературы и открывающей ей дорогу в будущее.

Сложно в формате предисловия охарактеризовать всю совокупность изучаемых многообразных явлений. В ходе работы мною были обследованы рукописные фонды Москвы, Санкт-Петербурга, Владимира, Новгорода, Твери. При этом были выявлены новые материалы. Анализ малоизвестных или вовсе неизвестных произведений сопровождается публикацией текстов в «Приложениях». Я весьма признательна сотрудникам архивов и рукописных отделов БАН, ГИМ, РГБ, РНБ за добросердечное содействие моей работе. Выражаю также искреннюю признательность Г. С. Баранковой, Ю. А. Грибову, А. А. Гусевой, Ф. В. Панченко, А. А. Турилову, своими консультациями внесшими вклад в источниковую базу исследования.

В разное время я имела счастливую возможность обсуждать проблематику книги со многими коллегами. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить за ценные советы и разнообразную помощь Дж. Броджи Бер-

кофф, Р. Вроона, М. Гардзанити, М. Левитта, С. Матхаузерову, М. А. Робинсона, П. Ролланда, М. Ди Сальво, Л. А. Софронову, К. Ханника. Я отдаю дань глубокого почтения памяти М. Л. Гаспарова, А. В. Михайлова, А. М. Панченко, А. Н. Робинсона, В. Н. Топорова, проявивших внимание к данной работе в разные моменты ее создания.

Особенно полезным стало для меня многолетнее сотрудничество с английским коллегой А. Хипписли, совместно с которым было подготовлено и опубликовано в 1996—2000 гг. в Германии под редакцией Х. Роте, с предисловием Д. С. Лихачева первое полное научно-критическое издание (в трех томах) книги стихов Симеона Полоцкого «Вертоград многоцветный». С ее изданием открывается обширный пласт литературной культуры, которая была мало исследована. Полагаю, что именно теперь интересующийся читатель сможет увидеть в «Вертограде» не просто исчерпавшее себя наследие старины, но и открыть для себя то, что продолжает жить в этом прекрасном саду, преодолеть тот барьер непонимания, который наглухо отделял читателя наших дней от высоких ценностей прошлого.

Благодаря стипендии Фулбрайта я имела возможность работать над книгой в библиотеках США. Презентация научных результатов работы состоялась в международном исследовательском центре — Bellagio Study and Conference Center.

* * *

Несколько технических замечаний. Библиографические ссылки на рукописные и архивные источники, а также на цитируемую литературу даются в тексте работы сокращенно и полностью раскрываются в приложенной к книге Библиографии. В начале списка рукописных источников помещены указания на рукописи, имеющие в своем шифре латинские буквы, например: Cod. slav. 174, F.I.905, O.XIV.1, Q.XIV.11, Q-88 и т. д. Шифры, принадлежащие рукописям из собрания РНБ, с латинской буквой F обозначают рукописи форматом в 1° (folio), с буквой O — форматом в 8° (octavio), с буквой Q — форматом в 4° (quarto). Далее в списке следуют шифры, содержащие буквенные обозначения кириллицей. Отсылки к листам рукописных источников даются с употреблением сокращенного именованья листа буквой 'л.', при отсылке к страницам или столбцам опубликованных текстов приводится только их нумерация без условных обозначений 'с.' или 'стб.' При ссылках на многотомное издание: J-P. Migne. Patrologiae cursus completus. Ser. lat. и Patrologiae cursus

---

completus. Ser. Graeca используется принятое в международной библиографической практике сокращенное обозначение PL и PG (см. «Принятые сокращения») с указанием тома римскими цифрами и столбцов арабскими. Цитаты из рукописных и старопечатных источников передаются по правилам ТОДРА (замена принятым образом букв, отсутствующих в современном алфавите, кроме буквы ъ; опущение ъ в конце слов [Дмитриева 1955, 491—499]). Названия цитируемых произведений даются в современном написании: «Книга Любви знак в честен брак» (в рукописи: «Книга Любве знак в честен брак»), «День светозарный во мире сияет» (в рукописи: «День свѣтозарный во мирѣ сияет») и т. д.; в ряде случаев названия приводятся в сокращении. Используемый для выделений в тексте курсив принадлежит мне (за исключением специально оговоренных случаев).

Предварительные рассуждения о понятиях «переходный период», «раннее Новое время» и о проблеме русского литературного барокко

XVII столетие в русской культуре принято называть «переходным периодом». Здесь причудливо переплелись концы старого и начала нового, заканчивалась одна эпоха и начиналась другая, принеся кардинальную перестройку культуры. На смену Средневековью приходило Новое время. Если в Западной Европе эта культурная граница проходит через Возрождение, то в России, не знавшей Ренессанса, водораздел между крупными эпохами культуры приходится не на катаклизмы Петровского времени, как принято считать, а начинается гораздо раньше и пролегает через весь XVII век, захватывая отчасти и век XVIII¹.

Эта эпоха, полная глубочайших конфликтов и духовных исканий, стремительного развития, выводящего русскую культуру вперед, в новое, заслуживает определения одной из самых богатых в русской истории. При всей пестроте и многообразии культурного развития XVII века и невозможности сведения его к единому основанию явственно проступает с середины столетия ведущая тенденция к интеграции русской культуры в постренессансную европейскую культуру.

Уже в правление царя Алексея Михайловича Россия выбрала путь преодоления все увеличивавшегося разрыва между старыми традициями, подошедшими к пределу своего развития, и динамически развертывающимися процессами обновления всей жизни общества в канун радикальных преобразований Петра Великого. Состояние, в котором пребы-

---

¹ Обзор различных точек зрения на объем понятия «переходный период» и его хронологические рамки применительно к русской культуре на пути от Средневековья к Новому времени см.: [Черная 1999, 13—30].

вает культура, уже нельзя охарактеризовать как «средневековое», а литературу — как исключительно «древнерусскую». В столкновении и противостоянии разных культурных феноменов — уходящих в историю и нарождающихся — определяющая роль принадлежит явлениям, сопоставимым с теми, что отмечаются в постренессансной Европе.

Начинает внедряться жанровая система, характерная для новоевропейской литературы. Эта система литературных жанров с тремя родами, восходящими к античности, — эпос, лирика, драма — имела четкую структуру, теоретические и логико-философские основания, кодифицированные риторикой. До XVII в. в России существовала иная система родов и жанров, чем в Западной Европе; развивался преимущественно эпический вид творчества, представленный весьма специфическими жанрами (летописи, жития, повести). Лирика была ограничена литургическим творчеством и фольклором. Третий род — драма — имел эмбриональные формы, представленные опять-таки в фольклоре и церковной обрядности. Жанровая панорама русской литературы второй половины XVII столетия образует сложную мозаику, в которой традиционные жанры сосуществуют с новыми — книжной поэзией и драматургией. Разнородные явления, которым суждено было определить перспективу будущего развития русской литературы и культуры в целом, дают основание для выделения внутри «переходной эпохи», начиная с середины XVII в., периода *раннего Нового времени*, продолжающегося до первых десятилетий XVIII в. — начала собственно Нового времени.

Уже в начале XX в., после открытия таких крупнейших фигур русской культуры второй половины XVII в., как Симеон Полоцкий [Майков 1875; Татарский 1886], Сильвестр Медведев [Прозоровский 1896], Карион Истомин [Браиловский 1902], братья Лихуды [Сменцовский 1899], в науке осознается необходимость отделения данного периода — в силу его качественного своеобразия — от литературы древнерусской. Тогда были высказаны некоторые перспективные идеи, долгое время не обращавшие на себя внимания. В небольшой брошюре «Введение в историю русской литературы второй половины XVII века», изданной в Одессе в 1903 г., В. М. Истрин, в бытность свою профессором Новороссийского университета по кафедре новой русской литературы, писал:

«Русская литература второй половины XVII века представляет столько нового по сравнению с литературой предшествующего времени, что она по справедливости является *новым периодом* в ее истории. Было время, когда русская литература XVII века относилась к древнему периоду и ставилась в непосредственную связь с литературой XVI века. Но перемены во взглядах на историю литературы, целый ряд новых открытий и

следовавших за ними изысканий — разрушили этот взгляд. Благодаря этим двум причинам выяснилось, что, во-первых, литература Петровского времени тесно связана с литературой XVII века, что, во-вторых, литература XVII века получает новый характер со второй его половины, и что, в-третьих, причина появления нового характера литературы лежит во вполне определившемся западном влиянии. Следовательно, со второй половины XVII века и начинается *новый период* русской литературы» [Истрин 1903, 1]. Подытоживая свои размышления, В. М. Истрин предложил еще более определенную характеристику: «XVII век имеет... свои особенности, которые являются для него характерными и потому дают основание начинать с него, собственно со второй его половины, *период новой литературы*» [Там же, 22]. Тем самым В. М. Истрин, с одной стороны, переносит нижнюю границу литературы Нового времени к середине XVII в., а с другой — распространяет особенности литературы второй половины XVII в. и на первые десятилетия XVIII в.

Вряд ли можно целиком согласиться с В. М. Истриным, считавшим начальной точкой истории новой русской литературы середину XVII в. Однако отмеченный специфический период в истории русской литературы, учитывая его еще достаточно тесные связи с предшествующим развитием, когда на всем пространстве культуры (церковная реформа патриарха Никона, идейные споры, книжная справа, литература, изобразительное искусство, музыка) происходит полная драматизма встреча традиции и нарастающего нового, направленного часто по сути и по форме против традиции, — и следует охарактеризовать как особый этап — *раннее Новое время*. С одной стороны, это очередной шаг, завершающий в «переходном периоде» движение к Новому времени, а с другой — доминирующие явления культуры уже обладают очевидными признаками Нового времени. Такая ситуация переходности фактически сохраняется до конца Петровской поры.

В англоязычной историографии для обозначения понятия *раннее Новое время* принят термин *Early Modern Times*, определяющий эпоху, пролегающую между Средними веками и собственно Новым временем; объем его содержания и хронологические рамки различаются применительно к каждой отдельной стране, поскольку границы культурных эпох проходят в разных странах по-разному. Так, раннее Новое время хронологически в Англии наступило позже, чем в Италии, но раньше, чем в Германии и России. Период раннего Нового времени в России вбирает в себя проблематику, связанную с восприятием и функционированием на русской почве первого общеевропейского стиля барокко. «Европейское барокко» включает ряд национальных вариантов. Восточнославянское

барокко, и русское, в частности, долго оставалось малоизученным и должно быть интегрировано в европейскую культурную парадигму.

Барокко у восточных славян — эпоха, несомненно, родственная соответствующему хронологическому периоду в иных европейских культурах (конец XVI — начало XVIII вв.). Термин доказал свою полезность, помогая достичь интеграционного понимания критического момента в развитии европейской культуры раннего Нового времени, когда после Тридентского собора середины XVI в. в ней образовалось поле напряжения, обусловленное разделением христианства на конкурирующие конфессии. Барокко как первому творческому направлению, имевшему межнациональный характер, принадлежит особая роль в формировании единого общеевропейского литературного процесса. Проблема литературного барокко в Западной и Восточной Европе оставалась в XX в. одной из актуальных как в отечественном, так и зарубежном литературоведении².

Термин барокко имеет несколько значений. Он восходит к итальянскому *barocco*, хотя имеются и другие этимологии: например, португальское название жемчужины неправильной формы *barrueca*, или латинское *baroco*, обозначающее определенный вид силлогизма в схоластической логике. Термин «барокко» употреблялся прежде всего в области истории искусства и позднее был принят литературоведческой терминологией. Первоначально он применялся в XVIII в. в пейоративном значении для характеристики искусства предшествующего времени. Просвещение рассматривало барокко как проявление дурного вкуса. Такая оценка была пересмотрена на исходе XIX в.

Г. Вёльфлин в своей ставшей знаменитой книге «Ренессанс и барокко» (1888) впервые фундаментально обосновал постановку вопроса об искусстве барокко в целом. Проблема разрабатывалась в дальнейшем такими известными учеными, как В. Бенджамин (немецкое барокко), Й. Хёйзинга (барокко в Нидерландах).

На примере искусства оформления московских изданий и рукописей второй половины XVII в. В. Н. Щепкин еще в 1910 г. сделал выводы общекультурного значения, отметив проникновение в Россию зародившегося в Италии стиля и пришедшего «к нам в своем немецком и польском вариантах»: «В Москве чистый, или западный барокко, появившись в середине XVII в., оставался новой модою верхов» (цит. по [Щепкин

---

² Критический анализ концепций барокко, принадлежащих разным литературоведческим школам, см.: [Уэллек 1963, 69—127; Соколовска 1971; Барнер 1975; Хэрнас 1980, 572—626].

1967, 75, 78]). Наличие русского барокко в архитектуре доказали отечественные искусствоведы уже в 20-е годы XX в. [Барокко 1926; Дульский 1927]. Проблема искусства барокко привлекала внимание представителей русской интеллектуальной эмиграции. Художник А. Бенуа в своих заметках по поводу выставки Эль Греко в Париже (1937) обратил внимание на время появления общеевропейского стиля в России: это — «та самая формальная система, которую мы теперь называем барокко и которая, как всепожирающий пламень, разлилась по Европе, достигнув даже далекой Московии, где задолго до реформ Петра I ею была подорвана незыблемость древних устоев» [Бенуа 1968, 281].

В славистику понятие «барокко» ввел Э. Порембович в своей книге 1893 г. о польском поэте А. Морштыне. Вопрос о барокко в южнославянской литературе поднят в исследовании Д. Прохаски (1909). Первые работы о чешском литературном барокко принадлежат Й. Вашице (1938) и З. Калисте (1941).

Несколько ранее Д. Чижевский употребил в своей работе 1929 г. понятие «эпоха барокко» применительно к культурной истории восточных славян [Чижевский 1929, 80] и продолжал последовательно разрабатывать тему [Чижевский 1931; 1942]. В 1941—1943 гг. в Праге вышел его трехтомный труд «Украинское литературное барокко». Д. Чижевскому же принадлежит и первый опыт сравнительного изучения литературного барокко в славянских странах [Чижевский 1952, 56—69; 1968; 1968a]. Долгое время советское литературоведение упускало, к сожалению, возможность научного диалога с зарубежными литературоведческими школами, и работы Д. Чижевского не получили в свое время отражения в отечественных исследованиях.

Проблема русского литературного барокко была поставлена еще И. П. Ереминым, выдающимся исследователем древнерусской литературы, и подверглась затем длительному научному обсуждению. Уже в 1940 г., как стало известно из опубликованных архивных материалов, ученый запланировал на будущее тему «Проблемы барокко в русской литературе XVII в.» [Рождественская 1989, 27]. Результатом исследования стала появившаяся в 1948 г. блестящая статья «Поэтический стиль Симеона Полоцкого» [Еремин 1948, 125—153], содержащая принципиально важное открытие: своей характеристикой Симеона Полоцкого как поэта барокко, обоснованной тонким стилистическим анализом, ученый ввел определенную часть русской культуры XVII в. в контекст постренессансного общеевропейского направления. Указывая в свое время на недостаточность изучения литературного барокко в нашей стране,

Д. Чижевский отозвался о работе И. П. Еремина как о «многообещающем исключении» [Чижевский 1956, 435]³.

Развитие науки в 50-е годы XX в. в условиях идеологического прессинга не способствовало изучению проблемы. Позднее Чижевский отметил, что И. П. Еремин, охарактеризовавший Симеона Полоцкого как представителя барокко, все же не употребил в статье к «Избранным сочинениям» поэта [Еремин 1953] «реакционное слово» «барокко» [Чижевский 1970, 9]. Для того, чтобы оценить замечание Д. Чижевского, необходимо принять во внимание условия существования науки в конце 40-х — начале 50-х гг. XX в.

Напомним, что почти одновременно с выходом статьи И. П. Еремина «Поэтический стиль Симеона Полоцкого» была опубликована книга под редакцией В. М. Жирмунского «История западноевропейской литературы. Раннее средневековье и Возрождение» (1947), где в разделе об испанской литературе дана развернутая характеристика, содержащая традиционную для европейской науки оценку западноевропейского барокко: «Барокко в основном отражает кризис гуманизма и наступление феодально-католической реакции». И далее: «В общем, барокко знаменует отказ от жизнерадостности Возрождения, от веры в могущество разума, отход от реализма и погружение в стихию трагических переживаний, в мир таинственного и подсознательного, в иррациональность» [Жирмунский 1947, 509].

Издавая в 1953 г. избранные сочинения Симеона Полоцкого в серии «Литературные памятники», сам И. П. Еремин, а тем более издатели книги не могли не учитывать обострения борьбы к концу 1940-х — началу 1950-х гг. с «буржуазной наукой», компаративизмом, теорией влияний, с «низкопоклонством перед западом», с одной стороны, а с другой — возведения в культ категорий «самобытности», «народности» и «реализма». Поэтому закономерно отсутствие в книге понятия *барокко*. Отметим, что даже в специальном издании, вышедшем в 1954 г. и посвященном истории западноевропейской литературы XVII в., этот термин также не употребляется, а литература, отвечающая данному понятию, получила крайне негативную оценку не только идейно-политическую, но и эстетическую. В книге неоднократно повторяется, что литература XVII в., порожденная «феодально-католической реакцией», «была антинародна, антиреалистична, антихудожественна», творцы «упадочного искусства» отстаивали «реакционные идеалы феодализма». Теоретик искусства барокко Б. Грасиан объявлялся защитником «анти-

---

³ См. также обзор: [Рааб 1958, 483].

реалистической эстетики испанской реакции», а его последователи представляли «реакционное литературное течение» [Виппер 1954, 11, 12, 647, 652, 656].

Из приведенных цитат видно, какой политико-идеологический отпечаток наложило время даже на самый стиль научной работы по истории литературы далекого прошлого. Кстати, конец 1940-х и особенно начало 1950-х гг. было отмечено особым антикатолическим пафосом. В странах «народной демократии» — Венгрии, Польше, Чехословакии, Румынии, Албании, Болгарии — прошли многочисленные политические процессы против представителей католической церкви, начиная с ее иерархов, осуждавшихся как «диверсанты» и «шпионы Ватикана», находившиеся на службе «империалистических разведок». Широкая подборка соответствующей информации содержится в хорошо передающей атмосферу времени книге Д. Е. Михневича «Очерки из истории католической реакции (Иезуиты)», вышедшей в Москве в 1953 г. (глава «На службе у Желтого Дьявола»).

Поэтому, когда мы имеем дело с политизированным подходом, уместно вспомнить методологически важное суждение Д. С. Лихачева о том, что «при попытках восстановить историю литературы необходимо всячески стремиться избавиться от идеологических и философских схем, представляющих *не столько самого автора, сколько современное исследователю сознание его эпохи*» [Лихачев 1997, 32]; см. также: [Сазонова, Робинсон 1997, 159—178].

При оценках барокко, носивших обвинительно-политический характер, научно-исследовательская работа в данной области могла представлять серьезную опасность для ученого, примером чему может служить судьба крупнейшего специалиста по культуре западноевропейского и чешского барокко Зденека Калисты (1900—1982). После установления коммунистического режима ученый вначале был уволен из Пражского университета, а в 1951 г. арестован. «На состоявшемся в 1952 г. судебном процессе группы пражских интеллигентов его обвинили в предательстве и подрыве государства. Весьма характерно, что ему инкриминировалось “выдвижение на первый план тех эпох чешской истории, которые означают упадок чешского народа и чешской культуры, что отвращает народ от славных революционных традиций”, как сказано в приговоре суда, приравнявшего его исследование эпохи барокко к “отравлению колодецев”, т. е. к вредительству. Вердикт в парадоксальной форме отразил отношение новой власти к эпохе барокко, однозначно оценивавшейся негативно как “эпоха тьмы”... Десять лет ученый провел в заключении.